МОСГОРСПРАВКА МОССОВЕТА
Отдел газетных вырезок
Ул. Кирова 26/6 Телефон 96-69
Вырезка из газеты ВЕЧЕРНЯЯ МОСКВА
от 17 АПР 39 К
Москва Газета №

Семья Садовских

РЕАЛИЗМ Малого театра кровно связан с артистической фамилией Садовских. Если реализм Щепкина утверждался Гоголем и Грибоедовым, то реализм Садовских утверждался главным образом в Островском. Эта семья неповторяемых и изумительных талантов особенно ярко выявляла свое мастерство именно в образах, созданных Островским.

Блестящее знание быта, изумительное владение словом, красота речи, отсутствие какого-либо наигрыша, великая художественная правда, простота, яркость красок и уменье одним штрихом, одной чертой осветить всю роль, чувство художественной меры — вот что несли с собой великий Пров Садовский, этот колосс русского театра, неподражаемая в своей простоте и проникновенности Ольга Осиповна Садовская и, наконец, полный ума, чувства юмора Михаил Провыч Садовский, который соединил в себе большого артиста, беллетриста и переводчика.

Михаил Провыч был лингвистом, знал несколько языков и перевел много пьес для сцены (между прочим «Федру» Расина для Ермоловой). Он блестяще владел стихом. Его пародии и эпиграммы, всегда необыкновенно острые, злые и талантливые, постоянно ходили по рукам у нас в Малом и среди театралов.

На мою долю выпало счастье играть и с М. П. Садовским и с Ольгой Осиповной, перед которыми я благоговела и преклонялась, и, наконец, с третьим поколением Садовских — Лизой и Провушкой, ныне Провом Михайловичем — народным артистом СССР, орденоносцем, который является столпом, опорой Малого театра.

Когда я начинаю вспоминать созданные Ольгой Осиповной образы, я теряюсь: что надо особенно выделить? Все изумительно! Венцом ее неподражаемого искусства, конечно, было воплощение образов Островского. Это идеальное типическое воплощение замоскворецких женщин, всей их психики.

А ее речь!.. У нее надо было учиться русскому языку. Это была не речь, а музыка, необыкновенно четкая, сочная, ясная. Вот уж, действительно: слово молвит — рублем подарит!

Но не только в репертуаре Островского она была на вершине искусства. Ее Пошлепкина в «Ревизоре» [illegible] это какой-то фейерверк. Появ[illegible]ясь, она заполняла собою всю [illegible]. А графиня Хрюмина в «Горе какой[illegible]»! Вы видели перед собой нувшего [illegible]сколок, руину давно ми[illegible] сцены и не [illegible] появлялась в глубине по инерции [illegible]на, а ее будто несло пе. А жуткий [illegible]аванцену, к рам[illegible] «Власти тьмы», жу[illegible]ий по своей бессознательности, с ко[illegible]рой Матрена творила свое страшно[illegible] дело.

Вспоминаю, как в слабой пьесе Рышкова «Прохожие» Ольга Осиповна играла ревнивую [illegible] бонвивана (Правдин), ухаживающего за опереточными актрисами. После своего об'яснения с мужем, уходя, она поворачивалась к нему и говорила совершенно просто, не возвышая голоса: «Животное», — и весь театр разражался взрывами долго не смолкавших аплодисментов. А целый ряд женских образов в пьесах Сумбатова: Рыдлова — «Джентльмен», помещица Балунова — «Закат», Дарья Кировна Глушакова — «Старый закал», Турашева — «Ночной туман» и др. Сколько в них разнообразия, наблюдательности, юмора! И какие все они были нам близкие и знакомые. Ее стилем была комедия, но и в драме она давала незабываемые, полные глубокого чувства, щемящей боли и мягкого лиризма образы.

После революции Ольга Осиповна Садовская сразу стала любимицей нового зрителя, и ее имя в об'являемых спектаклях всегда встречалось восторженно. Ее творчество было близким, понятным и доходчивым до сердца зрителя, впервые приобщающегося к театру.

С Михаилом Провычем Садовским я была занята в «Ревизоре». Я играла Марью Антоновну, а он — Хлестакова. Об исполнении им роли Хлестакова все историки театра и критики, видевшие его, в один голос повторяли, что это был лучший Хлестаков, который безукоризненно олицетворял замысел автора. То же, что я говорила об исполнении ролей Островского Ольгой Осиповной, надо повторить и об исполнении Михаила Провыча. В каждой роли, будь то Мурзавецкий, Подхалюзин, Мелузов, Тихон, Миловзоров и пр.,— [illegible] людей, прямо выхваченных из жи[illegible] показанных без малейшей утрировки. Целая галлерея типов, которые и сейчас, как живые, стоят перед глазами.

Я вспоминаю, какое огромное впечатление произвел на меня Михаил Провыч исполнением роли Андрея Колгуева в пьесе Немировича-Данченко «Новое дело». Он тогда захватил зрителя, и зрительный зал при его об'яснении с Федотовой прямо замер... А его характерные, освещенные мягким юмором образы из пьес Сумбатова: репортер Воран из «Мужа знаменитости», Никтополион Стремглов — судебный пристав из «Заката», зачитывающийся Понсоном дю Террайль, потому что это «совсем на жизнь не похоже»! Надо было слышать, как он говорил с особенным прононсом: «Понсон дю Террайль»! А Эспер Андреевич Корнев в «Старом закале» и его поучения Ульину, — которого чудесно играл Пров Садовский, — как надо обращаться с женщинами...

Когда я вспоминаю всю бесконечную галлерею образов, созданных этими великими артистами, я чувствую глубокое удовлетворение и счастье от того, что я не только их видела, но во многих пьесах была соучастницей этих незабываемых спектаклей. Как жаль, что такие таланты не могут жить вечно! Спасибо им за то, что жили, творили и давали нам столько счастья своим творчеством!

Переходя к третьему поколению Садовских, я не могу не вспомнить добрым словом Елизавету Михайловну Садовскую. Она унаследовала от своих родителей чудесную московскую речь, в ней было очень много женского обаяния, теплоты, искренности. Она была очаровательной Снегурочкой, грациозным Ариэлем в «Буре» Шекспира, а когда стала переходить на характерные роли, выказала неподдельный комизм и большую наблюдательность. В блеске своей матери и отца она несколько тускнела сравнительно с ними, но она по праву носила фамилию Садовских и достойно поддерживала честь своей фамилии.

С первых шагов на сцене Прова Михайловича младшего, ныне народного артиста СССР, я была свидетельницей и участницей всего пройденного им пути. О первых годах его сценической деятельности можно сказать, что это был необыкновенно импозантный, красивый, с чудесной фигурой артист. В даровании его преобладал не быт, а лирика, романтика. Вспоминаешь образ Мизгиря в «Снегурочке», Дубровина в «Воеводе», Колычева в «Василисе Мелентьевой» — доверчивого в любви и грозного в гневе, необыкновенно картинного и характерного самозванца в «Дмитрии-самозванце» Островского.

Колоритный, пылкий Дато в «Измене», эффектный, лукавый, холодный дипломат-царедворец Лейстер в «Марии Стюарт», необыкновенно выдержанный, с английской складкой, петербургский чиновник Де-Бути Петров в «Неводе» Сумбатова.

Пров Михайлович постепенно прочно завоевывал симпатии зрителя. С большим, солидным успехом сыграл Чацкого, при чем роль у него непрерывно росла и совершенствовалась.

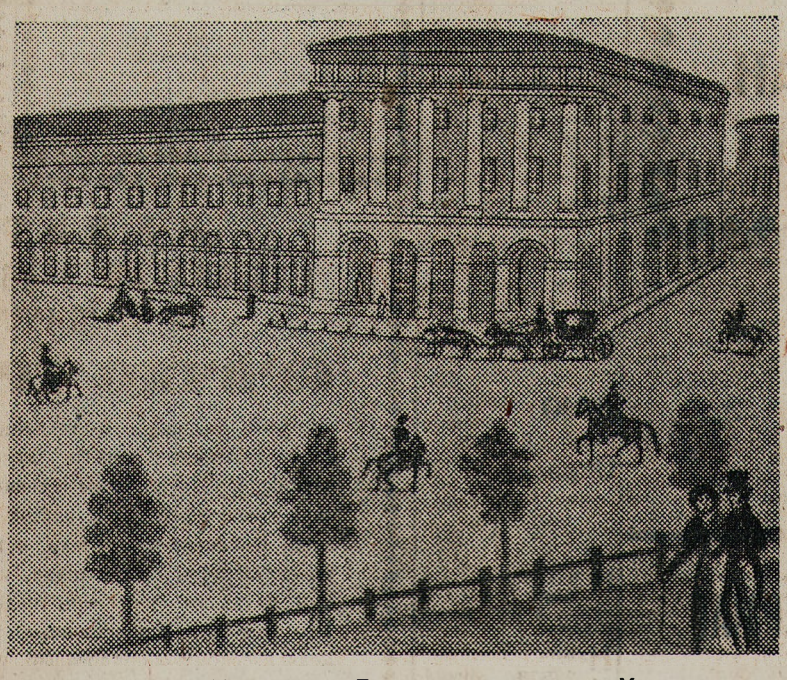
В свои зрелые годы этот талантливый артист рос с каждой новой ролью, углублял свое творчество, придавал большую характерность своим образам и становился уже во многих ролях в ряд со своими знаменитыми родителями. Нельзя без радости вспомнить его короля Карла в «Кромвеле», Брута в «Юлии Цезаре» Шекспира, где он достигал совершенства подлинно классического актера, передавая свою роль с необыкновенной сдержанностью и большим благородством.

В последние годы его чудесно вылепленный Филипп в «Дон Карлосе» и, наконец, Несчастливцев в «Лесе» и Фамусов в «Горе от ума» ставят Прова Михайловича Садовского в ряды самых выдающихся артистов нашей сталинской эпохи. Радостнее всего то, что Пров Михайлович не успокаивается на лаврах. Чувствуя на себе великую ответственность продолжателя столетней артистической династии Садовских, он непрерывно растет, совершенствуется и с гордостью и по праву носит имя Садовского.

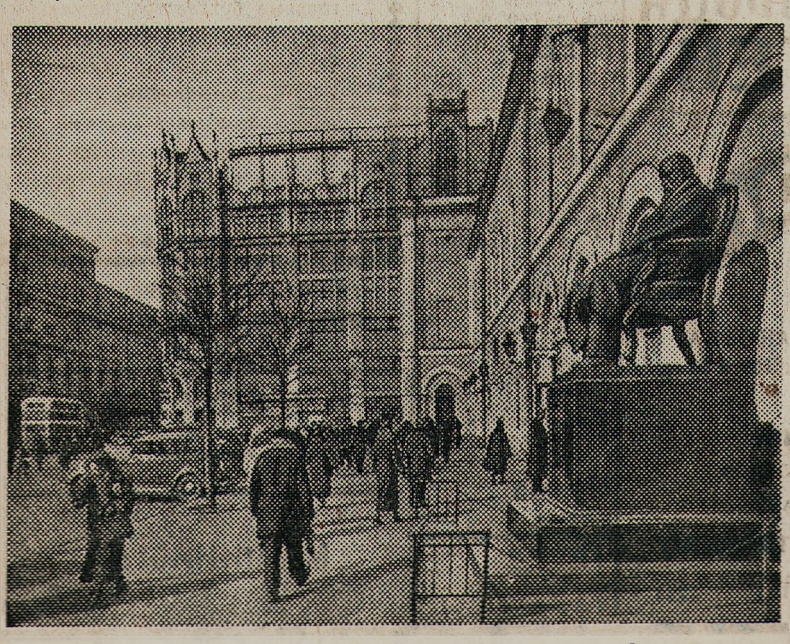
А. ЯБЛОЧКИНА,
народная артистка СССР.

Народный артист СССР, орденоносец Пров Михайлович Садовский с сыном Провушкой. Над ними: портрет первого из семьи Садовских — Прова Михайловича, написанный его сыном Михаилом.

Фото Вл. МИНКЕВИЧА



Так выглядела 100 лет назад Театральная площадь у Малого театра, в труппу которого в 1839 году был принят Пров Михайлович Садовский — дед нашего современника, народного артиста СССР П. М. Садовского.



Так выглядит площадь Свердлова у Малого театра сейчас, в апреле 1939 года, в дни столетия семьи Садовских.

Фото Вл. МИНКЕВИЧА

28